

тельство того, что фортуна поменяла свое направление, что пришел век новой династии: «В наших деи в бусурманских книгах пишется что те лета пришли, что Русского царя Ивана лета пришли, рука его над бусурманы высока» [5, с.265]³. Эти слова оказались поистине пророческими. Действительно, новая сила родилась на пространствах Восточно-Европейской равнины. К концу XVI в. Московское государство установило господство практически над всей Центральной Евразией. Начиная с XVII в., Русское государство будет удерживать и расширять свою власть посредством эффективного соединения технологических, административных и фискальных рычагов. Несмотря на то, что некоторые линии Джучидов продолжали удерживать троны Евразии и после 1600 г., даже вплоть до конца этого столетия, их дни были сочтены.

Список использованных источников и литературы

1. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863–1887. – Ч.1–4.
2. Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. – Ташкент: Фан, 1983.
3. Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. – М.: Мысль, 1986.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского. – М.: Книга, 1989. – Т.9–12.
5. Продолжение древней российской вивлиофики. – СПб., 1793. – Ч.8.
6. Сборник императорского Русского исторического общества. – СПб., 1884. – Т.41; СПб., 1887. – Т.59.
7. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск: Наука, 1986.
8. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. – М., 1819. – Ч.2.
9. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань: Изд-во КГУ, 1979.
10. Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель: В 4 т. – М., 1991. – Т.1.
11. Inalcik H. Power relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman empire as reflected in titlature // *Passé turco-tatar, présent soviétique: etudes offertes à Alexandre Bennigsen / Publiées par Ch. Lemerancier-Quellejay, G. Veinstein, S.E. Wimbush.* – Louvain: Editions Peeters; Paris: Éditions de l'École des hautes études en sciences sociales, 1986. – P.175–214.
12. Kennedy C. The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between émigré Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the fifteenth and sixteenth centuries / Ph.D. dissertation by Craig Gayen Kennedy. – Harvard, 1994. – 238 leaves.

Ф.Л. Шарифуллина

Роль касимовских татар в истории России

На территории Рязанской области, в городе Касимове и нескольких сельских поселениях Касимовского района, проживает компактная, немногочисленная группа татар, с уникальной историей формирования и развития в составе Русского государства. Численность касимовских татар, стабильно державшаяся в течение нескольких столетий в пределах 5–6 тысяч человек, к концу XX века сократилась до 1040 человек. Миграционные процессы способствовали тому, что они стали самой урбанизированной группой среди волго-уральских татар. В настоящее время большинство касимовцев проживает в крупных городах России – Санкт-Петербурге, Москве, Рязани, Казани, Челябинске и др., а также в Средней Азии (Ташкенте, Самарканде, Бухаре), Казахстане (Алматы, Петропавловске), Прибалтике (Риге, Таллине). Из статистических материалов последних лет видна тенденция возвращения касимовцев из Средней Азии и Казахстана на свою родину. В связи с притоком татарского населения, в начале XXI века численность татар в городе Касимове и Касимовском районе возросла до 2 тысяч человек.

Начало формирования касимовских татар относится к середине XV века, когда на территории Русского государства в условиях сложной политической обстановки было образовано татарское ханство. Оно располагалось на территории Мещеры, центром которой являлся Городок (Городец Мещерский), известный впоследствии как Царевичев городок, Хан-Керман, Касимов. Последнее название было получено от имени его владельца – золотоордынского царевича Касима. Предпосылки и причины образования татарского ханства не всегда трактовались буржуазными историками с

³ Этот пассаж был записан в 1551 г. московским послом к Ногаям, доставленным в Москву. Он передавал прямую цитату ногайского информатора.

объективных позиций. Так, В.В.Вельяминов-Зернов считал, что создание царства являлось добровольным актом со стороны московского князя и имело сознательный расчет: с одной стороны, с помощью касимовских татар охранять с юга русскую границу, с другой – «царька, родственника хана казанского всегда, когда угодно, можно было напустить на Казань. Главнейшую опасность для Руси представляло царство Казанское; Казань, только что возродившаяся, еще свежая силами, грозила захватить власть в свои руки» [1, с.14, 27]. Эту точку зрения о причинах создания Касимовского царства поддерживали Н.М.Карамзин [2, с.10], Г.Перетяткович и другие российские историки [3, с.150; 4, с.262]. Казанский ученый М.Г.Худяков полагал, что «на образование этого удела нельзя смотреть, как на добровольную меру русского правительства, напротив, оно явилось одним из главнейших результатов одержанной Улу-Мухаммедом победы и первой попыткой ханов татарских вступить в непосредственное управление на русской земле в качестве удельных князей» [5, с.547].

В пользу касимовских ханов рязанские и московские великие князья были обязаны платить ясак, «выход». Об этом свидетельствуют тексты договорных грамот: «А что шло царевичю Касиму и сыну его Даньяру царевичю с вашии земли при твоём деде..., а то тебе давати с своеи земли царевичю Даньяру» [6, с.284]. Договорная грамота рязанских князей 1496 года свидетельствует, что они платили татарскому царевичу ясак, который едва ли может быть чем-либо другим, как не тем самым, что шло царевичам Касиму и Данияру: «а имети ли у тебя выход и царевичев ясак с твоей отчины треть по старым дефтерям» [1, с.149]. Кроме дачи с Рязанской земли, в Царевичев городок, в пользу управляющего там царевича, шел от великого князя московского «выход» (то есть дань): «А дети мои... дают сыну моему Василию с своих уделов выходы в Царевич городок». До тех пор пока Рязанское великое княжение сохраняло кое-какую самостоятельность, «ясак», который давали рязанские князья в Царевичев городок, был обязательным от «выхода» Московского [1, с.154–156].

По мнению историка советского периода М.Г.Сафаргалиева, причины и история образования Касимовского ханства были обусловлены феодальными распрями, характерными в 1-ой пол. XV века для Русского государства и Золотой Орды. Весной 1445 года Улуг-Мухаммад, основатель Казанского ханства, отправил своих сыновей – Махмуда (Махмутека) и Якуба против князя Василия. Тот выступил к ним навстречу и попал в плен. За свое освобождение князь обязался дать хану откуп в двести тысяч рублей и выполнить ряд требований. Он возвратился в Москву с Касимом и Якубом и их дружиной. Вскоре, в том же году, судя по договорной грамоте, видно, что Городец Мещерский был отдан царевичу Касиму с уплатой ему «дани и «выхода» [7, с.504]. Следует отметить, что кроме Городца, татарам были переданы другие города с их волостями. Царевичи Касим и Якуб в 1449–1450 годах управляли также Звенигородом, который в 1493 году перешел во владение Абдул-Латифа, ставшего впоследствии казанским ханом. В 1486 году Каширой правил крымский царевич Нур-Девлет, а с 1517 г. – бывший казанский хан Абдул-Латиф. Он был также с 1508 года, владельцем Юрьева. В 1495–1502 годах Каширой, Серпуховом и Хотунью правил казанский хан Мухаммад-Амин. В 1543 году Каширой владел хан Шах-Али. В 1552 году под властью астраханского хана Дервиш-Али находилась Калуга. В 1576 году касимовскому царю Симеону Бекбулатовичу были отданы Тверь и Торжок. В такие северные города, как Белоозерье, Вологда московские правители ссылали неугодных им татарских ханов, беков и служилых татар [8, с.192; 8а, с.47, 82]. Со временем татары либо выезжали, либо ассимилировались среди местного населения.

Касимовское ханство оказалось наиболее устойчивым: оно официально просуществовало более двухсот лет, вплоть до последней четверти XVII века. Территория его простиралась на 200 верст вокруг Касимова, до городов Краснослободск, Темников и включала в себя земли нескольких уездов: Касимовского, Елатомского, Шацкого, Темниковского [9, с.410–411, 438, 440–445].

Особенности политического и социально-экономического развития обусловили своеобразие этнической истории касимовских татар. Основу их этнического субстрата составили финно-угорские и тюркские племена, обитавшие на землях Мещерского края еще до образования Касимовского ханства. В качестве этнического суперстрата выступили выходцы из Казани, Астрахани, Крыма, Сибири, киргиз-кайсацких и ногайских орд, оседавшие на территории царства в течение XV–XVII веков.

История Касимовского ханства была тесным образом связана с историей Казанского ханства, раздиравшегося в 60-х гг. XV века междоусобными распрями. В 1467 году царевич Касим, пытаясь занять ханский престол после смерти своего брата Махмуда, казанского хана, организовал на Казань поход, в котором участвовали также и московские войска. Дальнейшие династические споры значительно осложнили международное положение Казанского ханства. Воспользовавшись этим, Москва взяла реванш. В 1487 году был организован поход русских войск на Казань, завершившийся

установлением вассальной зависимости нового хана Мухаммад-Амина от московских правителей. Владельцы Касимовского ханства имели титул царевичей, кроме тех лиц, которые ранее где-нибудь, до воцарения в Касимове, были ханами: Нур-Девлет в Крыму, Шах-Али в Казани. Они сохранили титул хана (царя). Из правителей Касимова первым получил титул царя Саин-Булат (Симеон Бекбулатович), который после крещения в 1573 году покинул Касимов. Положение татарских царевичей на сословно-иерархической лестнице феодальной знати в России было настолько высоким, что даже в середине XVII века они считались «честью... бояр выше, а в думе ни в какой не бывают и не сидят». В Государеве родословце середины XVI века татарские царевичи помещены непосредственно за потомками удельных князей московского дома [10, с.234–235]. До 1486 года титул касимовских ханов переходил по наследству (включая правление Касима и его сына Данияра). После Данияра касимовские цари и царевичи назначались по усмотрению русских правителей.

Из исторических источников известно, что царевичи Касим и Якуб выехали из Казани в Касимовское ханство со своими придворными из числа казанцев. Группы казанцев, иногда весьма значительные, выезжали на постоянное местожительство в Касимовское ханство и в более поздние времена. В 1535 году из Казани вышли сторонники Шах-Али – «казанские князья Шабас князь Епанчин да брат его Шабалат да Карамыш з братом с своим с Евлушем, Хурсуловы братья, и с ними князей, мурз и казаков шестьдесят человек из Казани». В «сентябре 1546 года приехали из Казани к великому князю служити князи казанские Кулуш князь, Тереур, Бурнаш да Чюрины братия Нарыкова, 76 человек». В «1551 году приехали к государю служить казанские князья: Кастров князь с товарищи» [11, с.20, 49, 60]. В марте 1552 года Шах-Али «вывел с собой князей Казанских и мурз 84 человека, в их числе Уразми Канбаров, Муралей (Нур-Али) мурза и другие, всего 84 человека». Примерно в это время «к государю приехал служити Камаи-мурза князь Усеинов сын, а с ним 7 казаков из Казани» [11, с.70, 94]. Часть казанцев попала в Касимовское царство в 1552 году, после завоевания Иваном IV Казанского ханства, когда оставшихся знатных казанцев царь «... вывел вместе с средними людьми и роздал им поместья в городах и волостях московских...» [3]. В Касимовское царство русское правительство высылало казанских татар-феодалов не лояльных к русскому царю [12, с.57]. По преданию, туда была вывезена казанская регентша Сююмбике. Из сохранившихся до наших дней родословных (шеджере) некоторых касимовских татар (Акчуриных, Максутовых, Бурнашевых, Костровых и др.) видно, что их предки были выходцами из Казанского ханства [13, с.74, 123]. С XII века в Мещерском крае стали появляться выходцы из Крыма, в частности из рода Ширин, сыгравшего значительную роль в делах Касимовского ханства. С ними связывали свое происхождение Ширинские и Гиреевы [14, с.70; 14а, с.114]. В 1458 году Городцом владел крымский царевич Нур-Девлет. Затем там правили Сатылган, Джанай. Вместе с ними из Крыма приходили их дружины, постепенно оседавшие на территории Касимовского царства. И в более позднее время, в XVI–XVII веках, крымские степняки-кочевники различными путями проникали на Рязанскую землю [1, с.128–150, 192, 208, 209; 15, с.390]. У татар д. Колубердеево (Ташенка) сохранилось предание о том, что их деревня образовалась на месте земель, розданных пленным крымцам или туркам. Возможно, в какой-то степени это подтверждается и татарским названием деревни – «Колубердеево», что с татарского переводится как «данная рабам» [16, с.1].

В качестве пленных в Касимовское царство попадали и женщины, захваченные во время военных походов, предпринятых московским правительством. Об этом свидетельствуют некоторые архивные материалы [17] и легенда о том, что в 1678 году, в царствование Федора Алексеевича в «Чигиринском» военном походе в Малороссию особо отличились касимовские татары во главе с Сейид-Бурханом. Ими был захвачен большой полон: «Добычу, полон захватила дружина отважных татар! Набег совершен не из легких, приказ был одобрен царем! Обоз из полячек прекрасных с победой в Касимов везем!» [18, с.186]. В царстве проживали также выходцы из Сибирского ханства. В 1614 году Касимов был пожалован сибирскому царевичу Арслану Алиевичу, затем его сыну Сейид-Бурхану, мать которого Фатима-Султан стала последним правителем города. Вместе с сибирскими царевичами прибывали их дружины и домашняя челядь. Письменные источники и устные предания свидетельствуют о притоке населения, которое привели с собой ханы Ураз-Мухаммад и Саин-Булат из киргиз-кайсацких орд. О казахском происхождении этих ханов и отдельных родов свидетельствуют родословные Шакуловых, Девлеткильдеевых, Максутовых, Тевкелевых и др. Старожилы д. Мунтова (татарское название – Мылты) сохранили предание о принадлежности их предков к роду «мылты». Подобное название родового подразделения (кыркмылтык) есть и у казахов Куныя-Ургенчского района [19, с.34].

В формировании касимовских татар приняли активное участие ногайцы. Они попадали в Мещеру различными путями: по приглашению, самовольно, в качестве пленных. Московское правительство усердно приглашало на службу ногайских мурз, обещая им землю и денежное жалованье [20, с.11]. В Касимове и его окрестностях проживали представители таких знатных бекских родов, как Джалаир, Мангыт (мурзы Мангитские или мурзы Мансуровы), Кипчак (князя Мамакаевы) [1, с.208, 209; 9, с.403, 419, 426, 434]. Группа служилых ногайцев была переведена в Касимов из Ярославля и Романова [21, с.227–228; 22, с.64, 74; 23; 24, л.129; 25, с.71].

Ежегодно южная часть государства (на востоке до мордовских и понизовых мест, на западе до заозских городов) подвергалась нападениям ногайцев. Многие из них оставались там на постоянное жительство. Они свободно проникали через проторенные дороги. Этому не препятствовала вся оборонительная система Руси, в частности, засечные линии, которые находились в запущенном состоянии. В начале XVII века все пути, ведущие на Рязанскую землю, были открыты для Больших, Малых Ногаев, крымцев, азовских татар. По излюбленной дороге – Старому ногайскому шляху, они проникали на Русь. В челобитной от 1613 года рязанцы всех чинов жаловались, что «иные татаровя у нас живут без выходу», то есть постоянно. Стояли татары по правому берегу р. Оки [15, с.75, 77, 79]. Для Больших Ногаев излюбленной дорогой был старый Ногайский шлях, разветвления от которого вели в мордовские места, в Верхоценскую волость, в Рязанскую землю, до реки Оки и за Оку. В официальных документах неоднократно отмечалось о «приходе ногайских людей на мещерские места... идучи в Крым или из Крыма в Ногай» [22, № 31]. Кроме того, в Касимове содержали тех ногайцев, которые попадали в плен [1, с.288; 26, с.38]. Касимовские татары из деревень Алишево, Шегашаново, Толстиково называли себя «нугай». Ногайским князьям Мамакаевым принадлежал лес «Мамак урманы» [27, с.20]. Следы ногайского компонента сохранились в говоре касимовских татар [28, с.47]. У касимовских татар отмечен высокий процент (7,2) эпикантуса (признака, позволяющего установить участие монголоидного элемента) по сравнению с другими группами татар. В этом отношении касимовские татары более близки к казанским татарам из Арского района (4 процента эпикантуса), которые являются, кроме касимовцев, наиболее монголоидной группой среди всех поволжских татар, что сближает их с ногайцами-едисанцами. Среди касимовских татар преобладает темный европеоидный тип (памиро-ферганский), распространенный в сарматскую эпоху в степях Нижнего Поволжья, а позднее – в составе населения Средней Азии (узбеков, таджиков) [29, с.64, 153–154].

Расположение ханства на основном оборонительном рубеже Русского государства, который на юге протянулся по берегу Оки, предопределило судьбу отрядов касимовских царевичей в XVI веке. Южная граница Московского государства получила организованную и постоянную защиту от набегов кочевников. Она обеспечивалась ценой жизни многих касимовских татар. Татарские князья с их уланами и казаками создавали кордон против восточных набегов кочевников [30, с.37; 31, с.208]. Они несли сторожевую службу на «Казанской Украине» и на Волге, перехватывали посольства из Казани в Крым и обратно [1, с.286–287]. В начале XVII века касимовцы были снаряжены сторожить крымскую границу. Условия военной службы служилых татар были очень тяжелыми: скудное походное питание, физические лишения, постоянное пребывание верхом на конях, болезни подтачивали здоровье служилых людей. В тяжелейших условиях происходило оформление института служилых татар, первоначально известных как «служилая мещера». Использование татар на Московской великокняжеской службе имело давние традиции. Отдельные татарские мурзы, выходцы из Орды, уже с конца XIV века переходили на военную службу к московским князьям, как, например, к Дмитрию Донскому – Алабуга и Серкиз, к Василию Васильевичу – царевич Бердыдат.

Касимовские татары принимали участие во всех военных походах, предпринятых Русским государством. Служилые татары обычно группировались в отряды, подчинявшиеся мурзам и князьям. Из этих отрядов создавались отдельные полки, а иногда и большое войско, например, у Шах-Али было 30-тысячное войско. Они часто выступали под командованием касимовских ханов, например, в 1480 г. во главе с Нур-Девлетом, в 1490–1491 годах – с Сатылганом, в 1501 году – с Нур-Девлетом и Мухаммад-Амином, в 1487 году – с Мухаммад-Амином, в 1505 году – с Сатылганом и его братом. В конце 1555 года татары были включены в состав русского войска, отправлявшегося воевать против шведов, затем Ливонии, в конце 1578 года против польского короля. В 1654–1667 годах они участвовали в длительных войнах с поляками, с 1676–1681 годов – с Турцией, в 1687–1689 годах – в Крымских походах, в 1700–1721 годах – в Северной войне Петра I против шведов, в 1768–1774 годах – в русско-турецкой войне и т. д. [1, с.111, 285, 296, 419].

Наряду с военными походами русское правительство использовало служилых татар на дипломатических переговорах Москвы с татарскими ханствами, ногайскими ордами. Их отправляли вожакими и переводчиками (толмачами) к послам, ездившим в Орды, а иногда одних посылали с грамотами или для переговоров, как, например, в 1553 году городецкий татарин Ян-Булат приезжал в Москву от посла Данилы Губина с донесением из ногайских улусов [1, с.290].

Вознаграждением за несение службы были земельные поместья, становившиеся нередко наследственными. Ими владели целые группы татар или каждый в отдельности [32, с.2, 3; 33, с.234]. В свою очередь, «... служилый человек с поместья должен был содержать себя и свою семью и быть готовым к походной службе конным и оружием» [34, с.263–264]. Территория царства, издавна освоенная земледельческим населением, заселялась служилыми татарами не сразу. Раздача земель вокруг города Касимова происходила вплоть до середины XVII века. Об этом свидетельствуют отдельные записи из Древних актов и грамот: в одном из них говорится о «разделе имения Касимовского уезда в селе Подлипках между служилыми татарами Коскеем Карамышевым и Девлеткеем Девлетказиным; о разделе имения между служилыми татарами Кадриком Биманаковым и Доином Торгасовым в селе Старбаево; об отделе поместной земли служилым татарам в селе Лому, в деревнях Болотцы, Келдышево, Купреяновской и др. [35, с.38, 39; 36, с.27]. Перед большим походом правительство выдавало служилым людям жалованье [34, с.264].

Значение Касимовского ханства во внешней политике Русского государства особенно возросло в I-ой пол. XVI века, когда основной целью московской внешней политики стал «восточный вопрос» – подчинение Казанского ханства. В 1551 году казанцы были вынуждены предложить возглавить Казанское ханство касимовскому хану Шах-Али, который согласился стать казанским ханом в третий раз. В Казани располагалась ханская гвардия, состоявшая из касимовских служилых татар. Численность их была, видимо, значительной. По сообщению «Казанского летописца», в 1521 году во время резни в Казани погибло пять тысяч касимовских татар ханской гвардии [37, с.134]. Однако задачи московской политики не были решены. Хан Шах-Али, не спешил учитывать интересы московских политиков. Очевидно, что в середине XVI века ситуация с касимовскими царевичами значительно изменилась в отношении их роли: они перестали быть «послушными орудиями» в руках московских правителей, пытавшихся подчинить себе Казань мирным путем. Гибкая политика касимовских ханов и функционирование Касимовского ханства в качестве буферного государства тормозили военную экспансию Москвы в отношении Казанского ханства, обеспечив тем самым его жителям относительно мирное существование в течение их последних лет жизни, вплоть до его завоевания в 1552 г., когда было истреблено почти все население громадного города [5, с.644]. Московские правители относились к касимовским татарам настороженно, с недоверием. Об этом свидетельствует тот факт, что накануне взятия Казани в 1552 году, Иван Грозный, приказав войскам готовиться к штурму, отдал особое распоряжение насчет хана Шах-Али и касимовских татар. Русские военачальники, опасаясь перехода их на сторону казанцев, располагали отряды касимовских татар на заднем фланге, не принимавшем участие в боевых действиях: «Им не велели ходить в ту часть войска, которая, окружая Казань, должна была, на другой день, оберегать тыл атакующих и перерезать путь осажденным...» [1, с.388–389]. Хан Шах-Али не выполнил условий договора об освобождении русских пленных, а на требование ввести в Казань русские войска, ответил, что не впустит их в исламский город. Он был недоволен тем, что в его управление передавалось не все Казанское ханство, а всего лишь его половина.

Со второй половины XVI века заметно снижение роли царства как буферной организации в отношении Казанского ханства, которое в 1552 году было завоевано и присоединено к Русскому государству. Касимовских правителей стали ограничивать в их власти. Фактически они перешли на положение служилых землевладельцев, а их делами стали ведать московские воеводы. Постепенно русское правительство стало принимать меры к упразднению Касимовского царства. Последняя регентша Фатима-Султан (бием) владела лишь своей летней резиденцией в селе Царицыно (Бием Сала) недалеко от Касимова. После ее смерти в 1681 году, царство перешло в руки единодержавного управления Российского престола. Так закончилась история Касимовского царства, просуществовавшего в самом центре русского государства более двухсот лет: с середины XV до последней четверти XVII века. В 1796 году Касимов стал одним из уездных городов Рязанской губернии [38, с.120; 39, с.366; 40, с.662, 644].

Период XVIII – начала XIX веков явился переломным в политической и социально-экономической жизни татар. С упразднением в XVIII веке Касимовского царства, являвшегося для его населения своего рода этносоциальным организмом, были ликвидированы все те условия, на которых зиждилось сословие служилых татар. Приток извне тюркоязычного населения прекра-

тился. Более того, среди касимовских татар наблюдалось усиление миграционных процессов, что отразилось и на динамике их численности. Так, между 1719 и 1745 годами происходит убыль татарского населения Касимовского уезда на 18%. К концу XIX – началу XX века стало заметным снижение численности татар в г. Касимове и Касимовском уезде. Если в XVIII веке их численность достигала 6 тысяч человек, то к концу XIX века – около 5 тысяч человек. Главные направления миграции касимовских татар (на восток, за Волгу и Приуралье) совпадали, в основном, с миграциями других групп поволжских татар, особенно татар-мишарей [13, с.241; 41, с.36].

Упразднение Касимовского царства создало благоприятные условия для более тесных экономических и культурных связей касимовцев с русскими и с волго-уральскими татарами. С другой стороны, упразднение имело отрицательные последствия для самих касимовских татар. Постепенно они лишились былых привилегий: русское правительство с первой половины XVIII века издало ряд указов, направленных на устранение инородческого служилого землевладения. Так, указами 1713 и 1715 годов инородцам-магометанам, владевшим поместьями и вотчинами, приказывалось перейти в православие. В противном случае эти земли отходили государю или их крестившимся родственникам [42, с.7; 38, с.136]. В таких условиях, борясь за выживание, часть служилых татар была вынуждена принять православие. В их числе были семьи Костровых, Ширинских, Тургеневых и др. Впоследствии они вошли в состав русского феодального класса, а позднее – русской буржуазии [43, с.110, 170; 44, с.6]. В Касимове в конце XIX века проживали русские князья с татарскими фамилиями – Енгальчевы, Кудашевы, Колончаковы, Кугушевы и др. [45, с.52, 133]. Феодально-зависимым людям переход в православие давал возможность стать свободными. В архивных документах XVII–XVIII вв. имеются многочисленные дела с заявлениями подателей о крещении. В их числе челобитная «крымского полоняника Муртазы», дело «о находившейся у крымского татарина Байсукина пленной польской девки Агафьи», челобитная «новокрещеного ногайца (Баима) Ивана об исключении его из холопства от князя Прозоровского» [46, л.50].

Другой причиной, способствовавшей переходу в христианство, была материальная заинтересованность. В архивных документах немало дел о крещении и вознаграждении крестившимся татарам. К ним относятся дела татар Кутюша Шейдякова, Кудайната Урмаметьева, Кантемира Байтерякова о даче им в качестве награждения разного жалованья и княжеского титула; челобитная крещеных татар Степана Тебеева, Андрея Джинайдарова о даче им за принятие греческого закона по сукну английскому и по тафте; выписка о даче государева жалованья новокрещеным татарским мурзам – князю Шейдякову, Тупаеву, князю Тургеневу, князю Борису Куликову, Исупову и Мамаеву [47]. Переход в христианство простых татар и мурз способствовал постепенной русификации крестившихся. Они потеряли связь со своим народом и пополнили генофонд русского народа. Видимо, именно в связи с этими событиями возникла пословица: «Поскреби русского, найдешь татарина».

Среди населения, не пожелавшего принять крещение, усилился процесс сопротивления, заканчивающийся нередко физической расправой. Так, в 1656 года архиепископ рязанский Мисаил отправился в Касимов, Щацк и Тамбов крестить татар и мордву. Иноверцы отказались креститься. Но среди мордвы и татар уже составилась заговор. Они в числе более 500 человек с оружием в руках поджидали приезда Мисаила и, завидев его, бросились на него и убили [48, с.431].

В то же время шел процесс усиления позиций ислама. В Касимове, рядом с правителем, селились представители духовенства (сеиды, ахуны, абызы). Духовенство пришло в Касимов со стороны: Тамбовской (Девликамовы из с. Бостан), Пензенской, Казанской (Утягановы) губерний, из Крыма (Ширинские). В Касимовском уезде образовались наследственные династии [49, с.8]. В последней четверти XIX века в Касимовском уезде функционировало 8 мечетей [50, с.527]. Ислам выполнял для касимовских татар, также как и для всего татарского народа, «охранительную функцию» в экстремальных условиях. С помощью ислама татарам в период с середины XV века удается сохранить себя как этнос и не раствориться в массе христианского, русского народа [51, с.81]. Поэтому неудивительно, что Касимовская противомусульманская миссия, образованная с целью обращения татар в христианство, в последней четверти XIX века потерпела крах. Протоиерей Павел Алфеев в своем отчете писал, что «не так легко воздействовать на татар, как это представлялось. По своей сплоченной обособленности и религиозному образованию касимовские татары не похожи на крымских и казанских татар» [52, с.759].

Следует отметить, что указы и инструкции 1737, 1741, 1754, 1766 годов еще больше ущемляли права бывших служилых татар. Русское правительство под разными предлогами урезало или просто захватывало у них земли, леса и луга. Одновременно их привлекали к отбыванию различных трудовых повинностей в пользу государства. Часть касимовских татар несла феодальную

повинность на лесоповалах в качестве лашманов (от немецкого *laschmann* – лесоруб). В указе Петра I от 1718 году было предписано высылать служилых татар на бесплатные работы по заготовке, обработке и вывозу корабельного леса. Они, наряду с татарами-мишарями, были приписаны к Воронежским корабельным верфям. Лашманы рубили лес в тяжелейших условиях, зимой, в трескучие морозы, когда в соснах было мало влаги [42, с.7, 10, 18–19, 21]. Люди гибли тысячами от непосильного труда, голода и холода. Память об этих трагических событиях сохранили многие документы и устные народные предания, байты, песни, в которых отправление на лесоповал приравнялось к смерти.

При Петре I основная масса служилых татар была переведена в «однодворцы» – низшее податное сословие феодального государства и обложена подушным окладом [53, с.103]. Налоги им приходилось платить в двойном размере, как Казанской адмиралтейской конторе, так губернатору и воеводе. Все это способствовало резкому ухудшению социально-экономического положения касимовских татар. Правительство сохранило им владельческое (четвертное) право на землю по прежним жалованным грамотам и право общинного владения землями, значившимися за ними по писцовым книгам [42, с.18, 21]. Землепользование, основанное на «четвертном» праве, имело много общего с частной собственностью: земли могли передаваться по наследству, продаваться своим же общинникам. «Четвертные» земли, расширявшиеся за счет освоения новых лесных массивов, закреплялись за родами [49, с.205]. С течением времени, в связи с увеличением наследников и разделов между ними, участки дробились и мельчали, способствуя малоземелью и аграрному перенаселению. Кроме того, подобная форма землевладения способствовала довольно раннему и интенсивному имущественному расслоению татар.

Царизм, одновременно с национальным гнетом нерусских народов, проводил феодально-классовую политику, рассчитанную на создание социальной опоры в лице татарских феодалов. Эта политика особенно ярко выразилась при царствовании Екатерины II. Она представляла им дворянские привилегии, разрешила Мусульманское духовное собрание [54, с.58–59]. Привилегированные слои татарского общества проводили политику царской администрации и жестоко эксплуатировали рядовых татар, усугубляя тем самым и без того тяжелое социально-экономическое положение трудового населения.

Сельское хозяйство у касимовских татар тесно переплеталось с промыслами, связанных с обработкой животного сырья: с кожевенным и овчинным. В Касимове было немало мерлушечных мануфактур, принадлежащих татарским купцам. П.С. Паллас, будучи в Касимове в 1768 году, отмечал, что «...живущие... в городе все зажиточные мехами торгующие купцы» [55, с.4]. Они развернули торгово-предпринимательскую деятельность не только в Касимовском уезде, но и далеко за его пределами. Кожевенные изделия поставлялись во многие южные города России. Касимовские торговцы принимали активное участие в установлении торговых связей России с Казахстаном и Средней Азией, так как мусульманам было легче проникнуть в среду населения исповедовавшего ислам, нежели иноверцам [39, с.364, 366; 56, с.312; 57, с.304–305].

Касимовские татары издавна принимали активное участие в торговле. Этому в значительной степени способствовало удобное расположение города Касимова на стыке торговых путей, наличие в крае крупной реки Оки – главной жизненной артерии, благоприятствовавшей интенсивным торговым связям центральных губерний России и Востока. Там соединялись три главных государственных пути: Астраханский, Закавказский (Липецкий), Нижегородский (Сибирский). Через эту территорию также проходил важный сухопутный путь, обычно зимний, из Нижней Волги на Москву, затем на Нижний Новгород и на Казань. Через Касимов была проложена дорога – Наровчат – Темников – Кадом. Благоприятным фактором было установление еще во второй половине XV века высоких таможенных пошлин для казанских и восточных купцов в окраинных русских городах (Нижний Новгород, Муром) и в Сурско-Окском междуречье [58, с.139–140]. В результате торговля перешла в руки местных купцов, в том числе и касимовских татар. Служилые татары пользовались некоторыми привилегиями, например, им предоставлялось право на ведение торгово-предпринимательской деятельности в любом районе России. Они проводили торговые операции и в Касимове, на действовавших там Казанской и Сергиевской ярмарках. Предметами торговли служили в основном хлеб, мед, воск, домашние животные, меха, кожи, заготовки и изделия сапожного ремесла [59, с.117, 119, 131; 60, с.270].

В XVIII веке торговля имела большое значение в жизни татар, являясь одним из «средств заткнуть дыры, порожденные обидами и недостатками в земле и малой плодородностью ее, обилием всякого рода повинностей» [42, с.99]. Касимовские купцы захватили в свои руки значительную часть торговли на Макарьевской, Троицкой, Ирбитской, Крестовской и других

ярмарках, где совершали крупные торговые сделки и получали большие прибыли. Они вели активную торговлю и на международной ярмарке близ Нижнего Новгорода. Среди них имелись крупные купцы, связанные с торговыми центрами Средней Азии, Ирана и т.д. Через реки Оку, Волгу и по Каспийскому морю, купцы добирались до Персии. Обмен товарами происходил чаще в Астрахани, путь до которого на малых судах занимал менее 20 дней, а на обыкновенных стругах – 40–42 дня. Путь персидской торговли с Россией был удобен для торговли шелковыми тканями [61, с.122]. Все это способствовало установлению постоянных рыночных и культурных связей между различными регионами внутри страны и далеко за ее пределами.

В поисках средств существования касимовские татары устремлялись в различные области страны. Часть их (около 15%) оседала на постоянное жительство в различных городах, в том числе в Москве (в Татарской слободе, в Замоскворечье), в состав населения которой они вошли еще в XIV–XVI веках. В начале XX столетия был зафиксирован приток касимовских татар в Петербург [62, с.25; 63, с.70; 64, с.35, 37, 42]. В новом районе они вливались в единую массу переселенцев-татар, теряя в культурно-бытовом отношении свои особенности. Переселение в иноэтничную среду, даже тюркоязычную, напротив, приводило к консервации этнокультурных особенностей, как, например, у касимовских татар, поселившихся среди казахов, в г.Петропавловске [65, с.6–10]. Известны факты переселения небольших групп населения, возможно ремесленников и торговцев, в Казанскую, Симбирскую, Нижегородскую, Вятскую, Саратовскую, Оренбургскую губернии, в Казахстан, Среднюю Азию. В Казанской губернии они основали д. Тевели-Ходяшево. Жители некоторых деревень Буинского уезда Симбирской губернии являлись выходцами из Касимовского уезда. По преданиям жителей деревень Яндовище в Сергачском уезде и Маклаковка в Васильсурском уезде Нижегородской губернии, деревни Усть-Карновар в Петровском уезде Саратовской губернии их предки были коренными касимовскими татарами – выходцами из Касимова и Касимовского уезда Рязанской губернии. Крепостные касимовские татары были поселены в деревне Терся Елабужского уезда Вятской губернии [66, с.126; 67, с.88, 28, 52; 68, с.44; 69, с.63, 111]. Миграции обусловили, с одной стороны, утечку татарского населения с территории их этнического формирования, с другой – способствовали росту численности и консолидации волго-уральских татар в составе Российского государства.

Касимовские татары приняли активное участие в формировании общности экономической жизни татарской нации. Этому способствовало быстрое развитие различных отраслей промышленности, установление постоянных, прочных экономических связей, способствовавших расширению и укреплению внутреннего рынка в масштабе всей этнической территории татарского народа. Формирование и развитие касимовских татар происходило в тесной связи с татарами – казанскими и мишарями. Поэтому следует подчеркнуть, что эта группа, несмотря на наличие мощного иноэтнического окружения и значительного вкрапления позднего тюркского этноса, сохранила единство в культуре с основными группами волго-уральских татар. После 1552 года, когда весь Средневожский и Приуральский край вошел в состав Русского государства, постепенно сложились новые условия, которые привели к активному смешению и территориальному взаимопроникновению татарских групп.

Одновременно усилился рост синхронной этнокультурной информации. В конце XIX века сложился общенациональный татарский литературный язык. На нем велось обучение в школах и духовных училищах. Преподавательские кадры приглашались в основном из Казани. Касимовским татарам было хорошо известно творчество татарских просветителей и писателей, книги которых привозили из Казани, Оренбурга. В Касимове издавались на татарском языке газеты «Аң», «Чалгы». Уровень грамотности татар был довольно высок: 57% взрослого населения писали и читали на татарском языке [70, с.190–193]. В конце XIX века в учебных заведениях (мектебе и мэдресе) обучение шло на литературном татарском языке. Из Казани и других культурных центров поступала печатная продукция, создавались библиотеки из произведений татарских классиков. Был организован татарский театр «Чулпан», на сцене которого ставились пьесы татарских и русских драматургов.

Касимовские татары имели тесные контакты с русским народом. Служба в Русском государстве, складывание широкой экономической общности в пределах единого рынка, отсутствие каких-либо серьезных отличий в развитии хозяйства касимовских татар и их соседей способствовали установлению между ними прочных хозяйственно-культурных связей и приобщению к русской культуре. В касимовском говоре имеется значительное число русских заимствований, особенно в области хозяйственно-бытовой терминологии. Татары, преимущественно мужчины, свободно владели русским языком. Совместное проживание в течение нескольких веков на единой общей территории, общность исторических судеб выработали у татар, русских и других народов страны взаимную

веротерпимость и лояльность. Русский писатель Сергей Терпигорев, наблюдавший жизнь касимовцев в конце XIX века, отмечал: «Русские и татары ходят друг к другу в гости. Особняком не живут» [71, с.14]. В последние годы XX века процесс этнокультурного сближения с русским народом протекает наиболее активно. Интенсивное проникновение русского языка наблюдается и в татарских семьях. Молодежь, как правило, владеет им лучше, нежели родным. Увеличивается количество смешанных браков. В то же время татары еще продолжают сохранять некоторые особенности материальной культуры, родной язык, национальное самосознание.

Велика заслуга касимовских татар, как представителей татарского этноса, в распространении такого прогрессивного явления, как просветительство среди тюркоязычных народов России. В казахской степи, в Крыму открывали начальные школы, религиозные учебные заведения и вели просветительскую работу татары из числа духовенства, купцов, среди которых было немало касимовских татар [45, с.50].

На благо России служили и продолжают служить такие видные представители касимовских татар, как Сара Шакулова – первая в истории татарского народа женщина-математик, выпускница Сорбонны; А.М. Ишимбаев – заслуженный учитель, краевед; Р.Х. Агжитов – заслуженный организатор колхозного строительства; Ф.А. Тугеева – родоначальница династии врачей; В. Альбетков – Герой Советского Союза; В. Акбулатов – инструктор первого советского космонавта Ю. Гагарина; З. Байрашева и У. Бекбулатов – казанские профессора; Симаковы – солисты Ленинградского театра оперы и балета и другие замечательные личности.

Список использованных источников и литературы

1. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – Ч.1. – СПб., 1863.
2. Карамзин Н.М. История Государства Российского. – Т.5. – 2-е изд. – СПб., 1897.
3. Перетяткович Г. Поволжье в XV–XVI в. – М., 1877.
4. Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. – М., 1884.
5. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. – М.: «Инсан», 1996.
6. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.-Л., 1950. – № 76.
7. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // Ученые записки Мордовского государственного университета. – Вып. XI. – Саранск, 1960.
8. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. – М., 1952.
- 8а. Смирнов П. Города Московского государства в первой половине XVII века. – Т.1. – Вып.1. – Киев, 1917.
9. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – Ч.2. – СПб., 1864.
10. Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). – М.: Мысль, 1982.
11. Полное собрание русских летописей. – Т. XXIX. – М.: Наука, 1965.
12. Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ Казан. гос. ун-та. – Казань, 1964.
13. Ахметзянов М.И., Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары (по генеалогическим и этнографическим материалам) – Казань: Изд-во «Магариф», 2010.
14. Ахметзянов М.И. Татарские родословные. – Казань, 1995.
- 14а. Ахметзянов М.И. О шеджере рода Ширинских // Панорама-Форум. – Казань. – 1996. – № 1 (4).
15. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в 1-ой пол. XVII века. – М.-Л., 1948.
16. Гайнетдинов Ф.Н. Материалы по этнографии касимовских татар и мишарей // Архив МАЭ. – Л., 1933. – Ф. К-1. Ед. хр. 27.
17. РГАДА. Ф.131. Оп.2. Ед. хр.65.
18. Акимов В.В. Касимовские татары: между прошлым и будущим. – М., 2004.
19. Васильева Г.П. Историко-этнографическая карта Ташаузской области // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана / ТИЭ. Нов. серия. – Т.48. – М.-Л., 1961.
20. Черменский П.Н. Материалы по исторической географии Мещеры // Археографический ежегодник за 1961 год. – М., 1962.
21. Акты Московского государства. – Т. 2. – № 56. – СПб., 1894.
22. Акты Московского государства. – Т. 1. – № 32. – СПб., 1890.
23. Писцовые книги Рязанского края. – Рязань. – Т.1. – Вып. 2–3. № 32, 64, 66, 74.
24. РГАДА. Ф.210. Д. 217.
25. Пирогов В. Материалы для статистики Костромской губернии. – Вып. 2. – Кострома, 1881.
26. Шиманский М. Рязанский уезд в конце XVI – начале XVII вв. по Писцовым книгам. – Рязань, 1911.
27. Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Историко-этнографическое исследование традиционной народной культуры середины XIX – начала XX вв. // Рязанский этнографический вестник. – Рязань, 2004.

28. Махмутова Л.Т. Бастанский говор татарского языка // *Материалы по татарской диалектологии.* – Вып. 3. – Казань, 1974.
29. Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии // *Труды Института этнографии АН СССР.* – Т.7. – Нов. серия. – М.-Л., 1949.
30. Каргалов В.В. На степной границе. – М., 1974.
31. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. – М., 1952.
32. Сторожев В.Н. К вопросу о четвертиках. – СПб., 1892.
33. Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. – СПб., 1897.
34. Веселовский С.В. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. – М.-Л., 1947. – Т.1.
35. *Опись дел Рязанского исторического архива // Труды Рязанской ученой архивной комиссии.* – Рязань, 1891. – Т.6. – Вып. 1. – № 3.
36. *Опись дел Рязанского исторического архива // Труды Рязанской ученой архивной комиссии.* – Рязань, 1892. – Т.7. – Вып. 2. – № 2.
37. Рахимзянов Б.Р. Представители Большеордынской династии в Казани и Мещере (1520–1550-годы) // *Казань в средние века и раннее новое время. Материалы Всероссийской научной конференции.* – Казань, 2006.
38. Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. – Рязань, 1891.
39. Щекатов А.А., Максимович Л.И. *Словарь географический Российского государства.* – Ч.3. – М., 1804.
40. *Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А.* – Т.14а. – СПб., 1895.
41. Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. – М., 1972.
42. Ташкин С.Ф. Инородцы Приволжско-Пруральского края и Сибири. – Казань, 1922.
43. Халиков А.Х. 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения. – Казань, 1992.
44. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. – М., 1979.
45. Терпигорев С.Н. Лакейская столица. Исторические рассказы и воспоминания. – СПб., 1890.
46. РГАДА. Ф. 131. Оп.2. Ед. хр.65; Ф.127. Оп.1. Ед. хр. 267.
47. РГАДА. Ф.131. Оп.3. Ед. хр. 4; 88; 510.
48. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – Ч.3. – СПб, 1866.
49. Гордлевский В.А. Элементы культуры у касимовских татар // *Избр. соч.* – Т.1. – М., 1968.
50. Семенов П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. – Т.2. – СПб., 1865.
51. Юзеев А.Н. Татарская религиозно-философская мысль X–XIX веков // *Татарская религиозная мысль в общемусульманском контексте.* – Казань, 2002.
52. Алфеев П. Касимовская противомусульманская миссия // *Рязанские епархиальные ведомости.* – Рязань, 1898. – № 13.
53. Водарский Я.В. Население России в конце XVII – начале XVIII вв. – М., 1977.
54. Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. – Казань, 1977.
55. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – Ч.1. – СПб., 1773.
56. Сербина К.Н. Источники книги Большого Чертежа // *Исторические Записки.* – Т.23. – М., 1947.
57. Важинский В.М. Торговые связи южных городов России в третьей четверти XVII века // *Города феодальной России.* – М., 1966.
58. *Документы и материалы по истории Мордовской АССР.* – Т.1. – Ч.1. – Саранск, 1950.
59. Привалова Н.И. Торги города Касимова в середине XVII века // *Исторические Записки.* – Т.21. – М., 1947.
60. Дубинская Л.Г. Города Мещерского края во второй половине XVII в. // *Города феодальной России.* – М., 1966.
61. Кильбургер Ф. Краткое известие о русской торговле. – СПб., 1820.
62. *Сборник статистических сведений по Рязанской губернии.* – Т.7. – Рязань, 1887.
63. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. – М., 1978.
64. Старовойтова Г.В. О формировании татарской этнодисперсной группы в населении Петербурга-Ленинграда // *Советская Этнография.* – №1. – 1980.
65. Белиловский У.А. Городской очерк Петропавловска Акмолинской области за 1886 год. – Томск, 1887.
66. Ахмаров Г. О языке и народности мишарей // *ИОАИЭ.* – Т.19. – Вып. 2. – Казань, 1903.
67. Малов Е.А. Сведения о мишарях. Этнографический очерк // *ИОАИЭ.* – Т.4. – Казань, 1883.
68. *Список населенных мест Казанской губернии с кратким описанием их.* – Вып.2. Лаишевский уезд. – Казань, 1895.
69. Исхаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона. – Казань, 1993.
70. *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года.* – Т.35. – Рязанская губерния. – СПб., 1903.
71. Раздыкова Г.М. Этнический компонент в мусульманском образовании казахов степного края в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Омск, 2007.